

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ БЕЛЯВСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

bialiauski@bsu.by

НУЖНО ЛИ УБИВАТЬ ДРАКОНА, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПРИМЕРЕ ИРЛАНДИИ

А н н о т а ц и я . В историографии постколониальных исследований Ирландия представляет особый интерес, поскольку эта страна стала одной из первых британских колоний, добившихся независимости. Соответственно, определенные тенденции в ее развитии, в том числе в историографии и методах исследования исторических источников, берут начало почти на полвека ранее, чем в других бывших британских колониях. Это дает возможность делать осторожные прогнозы о появлении определенных проблем постколониальной историографии в целом и возможных путях их решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : постколониальные исследования, ревизионизм, историография истории Ирландии, источниковедение, Мишель де Серто

Д л я ц и т и р о в а н и я : Белявский А. М. Нужно ли убивать дракона, или Исторический ревизионизм как методологическая проблема постколониальных исследований на примере Ирландии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 2. С. 101–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.876

В самом начале XXI века в ирландском историческом сообществе разгорелся жесткий конфликт, в некоторые моменты даже переходивший на уровень выяснения личных отношений. Огонь этого спора ярко высветил проблемы, которые представляются актуальными для историографии большинства постколониальных стран. Предметом разбирательств стала трактовка нескольких событий периода, сейчас обычно называемого ирландской революцией (1916–1923, но датировка варьируется). Несомненно, «дров в костер» подбрасывали приближавшиеся столетние юбилеи этого периода. События, о которых идет речь, обычно называют «засада в Килмайкле» (уничтожение отрядом Ирландской республиканской армии (ИРА) автоколонны с британскими солдатами 28 ноября 1920 года в графстве Корк) и «резня в Бандонской долине» (15 убийств мирных жителей, протестантов в том же графстве Корк 26–28 апреля 1922 года, совершенные неизвестными, предположительно местными бойцами ИРА). Для понимания сути спора нужна небольшая преамбула.

На протяжении большей части XX века в ирландской историографии доминирующим (даже официальным) был консервативный националистический нарратив, представлявший революционный период как «героическую войну ирландского народа за независимость», «венчавшую восемьсот лет вооруженного сопротивления

ния угнетению». Его основными авторами были участники революционных событий (Дороти Маккардл, Пирас Бисли, Флоренс О’Донохью), а затем дети таковых (Тим Пат Куган). Немалую роль в закреплении этого нарратива играли автобиографии полевых командиров ИРА (Том Барри¹, Дэн Брин²). Все они в той или иной степени пользовались почетом и уважением власти, но, как правило, не имели академического статуса. Основным мотивом в их текстах было изобличение жестокости британских колонизаторов и прославление благородства и героизма ирландских повстанцев, особенно их лидеров, если немного утрировать эту картину для наглядности. Некоторые крупные фигуры революции (Калл Бру, Лиам Линч, Рори О’Коннор, Лиам Меллоуз и др.), правда, при этом были убраны в тень по причине их участия в гражданской войне, которой закончилась революция, на стороне «иррегулярных войск» (то есть оппозиции из ИРА, не признавшей легитимность Свободного ирландского государства). О гражданской войне 1922–1923 годов этот нарратив вообще предпочитал умалчивать по возможности. Но в целом самые непримиримые лидеры оппозиционеров в той войне погибли (все четверо вышеназванные), а оставшиеся в живых либо сменили радикальные убеждения и тактику (Эймон Де Валера, Фрэнк Эйкен), либо ушли с политической арены (как Том Барри и Дэн Брин), в результате целью-

сти официальной националистической трактовки революционных событий ничто с этой стороны не угрожало.

Характерной чертой этого периода в историографии можно признать достаточно слабое внимание авторов к источниковой базе исследований. Поскольку большинство из них были непосредственными участниками исторических событий, то и писали они на основе личного опыта, что фактически сильно сближало их работы с мемуаристикой. Как интересный вариант можно отметить серию книг Эрни О'Мэлли – еще одного яркого героя революционного периода – «Люди будут со мной говорить» (“The Men Will Talk To Me”, намек на то, что участники гражданской войны крайне неохотно говорили о ней), построенных на интервью с рядовыми бойцами ИРА из графств Голуэй, Клэр, Корк, Керри и из северных дивизий (Ольстер). Однако говорить о методах устной истории здесь тоже не приходится. Личный опыт вкупе с явной политической ангажированностью авторов, наличие выраженных оценочных суждений о событиях, а также отсутствие серьезной академической подготовки сводили уровень критичности в работе с источниками до минимума.

Но примерно с 1950-х годов иной, более критический взгляд на ирландскую историю начал развиваться в академической среде. Одним из первых таких ученых считается Теодор Уильям Муди, выпускник Королевского университета Белфаста (докторскую защитил в Институте исторических исследований в Лондоне), профессор дублинского Тринити-колледжа. При деятельной поддержке своего лондонского коллеги и друга Роберта Дадли Эдвардса он попытался учинить пересмотр (ревизию) методологии и мифологии в ирландской истории. Самым главным и опасным из мифов он считал представление об истории Ирландии с 1169 года как о непрерывной борьбе «морально безупречных» ирландцев со «злодеями-англичанами» [9]. В целом критика Муди получилась весьма последовательной и аргументированной, во многом благодаря профессиональной работе с источниками. Из следующего поколения ирландских ревизионистов самым ярким лицом стал Рой Фостер, профессор Оксфордского университета. Докторскую он защитил в Тринити-колледже и вообще считается учеником Муди. Он подверг пересмотру уже не только основные мифы, но и знаковые фигуры, события и периоды ирландской истории с точки зрения психологии памяти, мотивации историка, самих исторических персонажей и т. п. [6], [7]. Фостер даже стал лауреатом Президентской медали Британской академии за одну из своих работ («Vivid Faces», название – аллюзия на стихотворение Йейтса «1916»). Обратим здесь

внимание на то, что все указанные учебные заведения – протестантские.

Какое-то время оба нарратива относительно мирно существовали в своих нишах: один – в масскультуре, второй – в университетах. Однако ближе к концу столетия их сферы все же пересеклись, что вылилось в ту самую дискуссию. С одной стороны, это было связано с резонансным публичным успехом книг Роя Фостера, а с другой – с попыткой молодого канадского историка Питера Харта вписать ирландскую революцию в контекст общеевропейских событий, причем современных выходу его книги «ИРА и ее враги» (на основе докторской диссертации) в 1998 году [8], а именно, сопоставить ее с этническим конфликтом на Балканах. Герой Килмайкла Том Барри в интерпретации Харта оказался жестоким убийцей сдавшихся в плен британских солдат, а резня в Бандонской долине – организованной этнической чисткой. Соответственно (по логике автора), и вся война в Ирландии за независимость превратилась в этноконфессиональный конфликт, в котором, заметим, имперские власти уже становились не «виновниками», а «невольными участниками». Британская сторона, конечно, не оставила сей труд без внимания и щедро одалжила автора призами и пиаром.

С доказательной стороной, однако, у Питера Харта оказалось значительно хуже, чем у его старшего коллеги по ревизионизму Фостера. Харт в основном опирался на воспоминания трех участников засады в Килмайкле, имена которых он предпочел не раскрывать «из соображений конфиденциальности», а в отношении резни в Бандонской долине – на некий документ, якобы содержавший список местных жителей, сотрудничавших с британскими властями, в соответствии с которым осуществлялись похищения и убийства после того, как он попал в руки ИРА. Объединенными усилиями как некоторых академических ученых (в основном из католических учебных заведений), так и историков-любителей – сторонников первого из описанных нарративов гипотеза Харта была разгромлена. Значительную роль в этом сыграло опровержение источников, использованных канадским историком, и приведение других, более «объективных». Тем не менее, несмотря на убийственные доводы против источниковой базы и методов доказательства, концептуальная основа исследования Харта по-прежнему пользуется уважением в академической среде (при поддержке его научного руководителя, профессора Тринити-колледжа Дэвида Фитцпатрика [5]), а его версия событий озвучивается в популярных документальных фильмах как «альтернативный взгляд». Более подробно эту ситуацию в ирландской историографии я разбираю в специальных публикациях [1], [2].

Таким образом, мы видим, что попытка первых постколониальных историков создать национально ориентированный, но историографически наивный антиимперский исторический нарратив впоследствии развенчивается их собственными соотечественниками (при деятельной поддержке имперских «старших товарищей») под флагом академической строгости научного исследования, оперирующего историческими источниками. Новое поколение патриотически настроенных историков разворачивает борьбу с ревизионизмом, но уже оперируя источниками, опровергающими выводы оппонентов. В то же время становится заметно, что увеличение в геометрической прогрессии источников разных видов в XX веке – и особенно личного происхождения – позволяет создавать рационально и эмоционально убедительную доказательную базу для любой из полемизирующих сторон методом включения одних источников и исключения (опровержения) других, при этом оставаясь в целом в рамках общепринятого научного метода. «Разгромлен» был ведь только Харт, другие ревизионисты вполне успешны. В чем причина возникновения подобного замкнутого круга и может ли быть из него выход?

Традиционная историография, продукт метрополий, вместе с ее методологией, ориентированной на поиск и установление фиксированной «объективной» («истинной») картины прошлого на основе источников, по сути соответствует тому, что Мишель де Серто писал о стратегиях власти, в частности *власти знания*, реализуемой через способность преобразовывать исторические неопределенности в прочитываемые пространства:

«...власть – это *предварительное условие этого знания*, а не только его следствие или атрибут. Она делает его возможным и в то же время определяет его характеристики» [4: 110].

Историография постколониальных стран, подчиняющаяся этим стратегиям, оказывается вечно обреченной на поиск «своего места», которого в принципе не существует, поскольку это место уже присвоено имперской историографией. Такая постколониальная история становится частью системы воспроизводства идеологии, всегда направленной на уничтожение ее же (колонии и постколонии) идентичности. Условия, делающие исследование научным, определяют и его характеристики, позволяющие его опровергать. Эта система навязывает поле деятельности, постановку вопросов («кто виноват?», «как было на самом деле?») и направления поиска ответов, помещая постколониального историка в лучшем случае в состояние вечной ущербности, гибридности, с попытками быть «почти как они», потому что «они» это уже сделали раньше – и априори лучше. Метафорически это можно объяснить

японской легендой о том, как воин, убивающий дракона, превращается в него сам.

Огромное количество зачастую противоречащих друг другу источников (физически неохватное в рамках отдельно взятого исследования) в отношении событий XX века в сочетании с совершенствованием методов их критики (как ни странно) фактически позволяет доказывать любую необходимую по тем или иным причинам версию исторического нарратива и опровергать неудобную – но только одной стороне. Исторический источник в XX и особенно XXI веке вместо средства достижения истины, как в XIX веке, уже оказывается средством ее контроля. Сама концепция историографии, основанная на идее возможности построения единственно верной, объективной исторической репрезентации, основанной на исторических источниках как средствах доказательства, начинает походить на коммерческое производство, «рационализированное, экспансионистское, централизованное, зрелищное и шумное» [4: 103]. Основные исторические нарративы выстроены, вестернизированы, настроены на воспроизводство и обладают всеми средствами отражения выпадов против них. Их можно опровергать, но только по их правилам, и они *уже есть*, а борьба с ними только вокализует их еще больше. У постколоний же своих нарративов нет, и все попытки их создать также дают возможность их опровергнуть. Это примерно похоже на ситуацию в современной музыкальной (и не только) индустрии, тотально контролирующей и продукт, и его производителей, и его потребителей. Достаточно вспомнить, как еще в 1983 году компания «Гэффен Рекордз» подала в суд на Нила Янга за то, что он перестал «быть похожим на себя», и выиграла процесс. Альтернативой такому производству может быть только «потребление» с его «уловками, распылением по воле случая, браконьерством, подпольем, непрерывным бормотанием, короче, почти незримостью» [4: 103].

Выходом для историографии постколоний может стать обращение к тактикам использования чужого пространства, как это называл де Серто. Ее путь – в выворачивании стилей и способов письма традиционной колониальной историографии и того, что эта историография выдает за «постколониальный» продукт, сохраняя прежние объективистские интенции. Ее средства – это игра значений через их умножение, ирония и прочие «риторические изменения (метафорические отклонения, эллиптические сгущения, метонимические операции и т. д.)» [4: 114]. Ей остается писать «на полях», изменять значения, превращать фиксированное в изменчивое, постоянные – в переменные. Стратегии производят, размечают и навязывают пространства, но тактики способны менять типы операций, осуществ-

вляемых в этих пространствах, «использовать их, манипулировать ими и перестраивать их» [4: 101]. Другими словами, должен произойти перенос «центра тяжести» с источника на стиль письма. Очевидно, на этом пути нужно будет отказаться и от идеи истории как «царства покоя в прошлом», и от попыток централизованного контроля над этим царством, основанного на исторических источниках (но не от них самих).

Все это не просто лозунги. Образцы такого исторического письма как раз есть в ирландской литературе, накопившей громадный опыт выживания в колониальной «стратегии», начиная от Свифта. Уже то, что ирландская литература мирового значения создавалась на английском языке, свидетельствует о наличии и успешности ее тактик. В XX веке это Шон О'Фэйлан (О'Фаолейн в советской транслитерации, 1900–1991) как собственно почти историк (и это «почти» само по себе особый маркер вынесения «за скобки», «на периферию»). История, к которой обратился О'Фэйлан, это «история» в ее первом значении – *рассказ*. Это верно и в отношении его рассказов о периоде революции³, и собственно исторических книг: «История Ирландии» (характерно название на английском, “The Story of Ireland”, 1943 – использование термина *story* вместо *history*), «Ирландцы» (“The Irish: A Character Study”, 1947), «История ирландского народа» (“The Story of Irish People”, 1949), а также биографии исторических личностей. Писателей следующего за ним поколения (он во многом их воспитал, предоставляя возможность печататься в редактируемом им журнале «Белл») даже «почти историками» не считают: Брайан Фрил (1929–2015)⁴, Шеймас Дин (1940–2021)⁵, братья Брендан (1923–1964) и Доминик (1928–1989) Биэны, но все они касались исторической тематики в той или иной форме. В жанровом отношении здесь полное разнообразие: драма, проза, поэзия, баллады в уличном стиле. Можно, конечно, упомянуть и Джеймса Джойса как высочайший, трудно достижимый уровень: «Улисс» ведь, кроме всего прочего, это и невероятная по детализации история Дублина, оказавшая и продолжающая оказывать огромное влияние на формирование идентичности жителей этого города. По части стиля нельзя пропустить Флэнна О'Брайена

(1911–1966) и его псевдоисторические экскурсы в романах «Архив Долки»⁶ и «О водоплавающих»⁷. Обращаясь опять же к метафорам де Серто, это путь ребенка, разрисовывающего учебник [4: 103]. Более того, очень характерно, что подобный подход мы можем обнаружить теперь и в других постколониях. Например, в Индии это «Великий индийский роман» (1989) Шаши Тарура, а также произведения Амитава Гоша, среди которых я бы выделил не самое известное, но одно из первых – «В древней земле» (1992)⁸. Фактически это научное исследование, написанное в мастерском и новаторском художественном стиле, параллельно рассказывающее переплетающиеся истории современного антрополога, работающего в двух египетских деревнях, и еврейского купца, жившего в тех же местах в XII веке. Реконструкция жизни купца была выполнена по документам из каирской генизы. Совсем из другого региона чилиец Бенхамин Лабатут, но его последняя книга «Когда мы перестали понимать мир» (2022)⁹ также основана на сочетании кропотливой работы с источниками и художественного вымысла в такой степени, что для ее жанрового определения придумали новый термин – *нон-фикшн роман* [3].

Все эти авторы в смысле подхода перекликаются с названными ирландскими писателями. Рассказы и книги Шона О'Фэйлана и Шеймаса Дина, баллады Доминика Биэна, драмы Брендана Биэна и Брайана Фрила основаны на разных видах исторических источников – фольклор, собственная память, документы и т. п., но все обладают достоверностью иного порядка, психологической и художественной, и, что самое важное, способностью не менее успешно выполнять основную функцию той разновидности мифологии, которую мы называем историей: «связь времен», построение идентичности сообществ людей в настоящем через интерпретацию их прошлого. При этом эксперименты с языком и стилем становятся той «уловкой», с помощью которой постколониальная историография открывает более свободное пространство для письма, вспомнит, что история может быть многоликой, ориентированной не только на модернистский идеал объективности, и, соответственно, сможет вырваться из бесконечного круга попыток «убить дракона».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Barry T. *Guerrilla Days in Ireland*. Cork: Mercier Press, 2013. 384 p.

² Breen D. *My Fight for Irish Freedom*. Cork: Mercier Press, 2010. 208 p.

³ О'Фаолейн Ш. Безумие в летнюю ночь: Рассказы / Пер. с англ. Л. Беспаловой. М.: Известия, 1986. 160 с.

⁴ Friel B. *Translations*. London: Faber and Faber, 1981. 94 p.

⁵ Дин Ш. Чтение в темноте / Пер. с англ. Е. Суриц. М.: Иностранка, 2001. 234 с.

⁶ О'Брайен Ф. Архив Долки / Пер. с англ. Ш. Мартынова. М.: Додо Пресс: Фантом Пресс, 2017. 320 с.

⁷ О'Брайен Ф. О водоплавающих / Пер. с англ. В. Симонова и В. Черныша. СПб.: Симпозиум, 2000. 448 с.

⁸ Ghosh A. *In an antique land*. London: Granta Books, 1992. 400 p.

⁹ Лабатут Б. Когда мы перестали понимать мир / Пер. с англ. П. Казанковой. М.: Ad Marginem Press, 2022. 208 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белявский А. М. Медиаобраз героя войны за независимость в Ирландии: Том Барри и Килмайкл // Война и идентичность: Сб. ст. по итогам науч. семинара кафедры соц. наук УО «Военная академия Республики Беларусь» и Центра евраз. исследований РГСУ (филиал в г. Минске), Минск, 26 февр. 2015 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь; Под общ. ред. А. А. Киселева. Минск: ВА РБ, 2016. С. 11–27.
2. Белявский А. М. Межконфессиональный конфликт в Ирландии в 1916–1923 гг. как исторический миф: проблема интерпретации в историографии конца XX – нач. XXI вв. // *Orientalia Christiana Cracoviensia*. 2017. № 9. S. 67–102.
3. Казанкова П. Бенхамин Лабатут как латиноамериканский писатель XXI века. Точность поэта, воображение ученого // *Ad Marginem* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://admarginem.ru/2022/10/20/labatut_latin_america/ (дата обращения 15.12.2022).
4. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
5. Fitzpatrick D. Ethnic cleansing, ethical smearing, and Irish historians // *History. The Journal of the Historical Association*. 2013. Vol. 98. Issue 329. Jan. P. 135–144.
6. Foster R. *Modern Ireland, 1600–1972*. London; New York: Penguin Books, 1989. 688 p.
7. Foster, R. *Vivid faces: The revolutionary generation in Ireland, 1890–1923*. London; New York: W. W. Norton & Company, 2015. 480 p.
8. Hart P. *The I. R. A. and its enemies: Violence and community in Cork, 1916–1923*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 368 p.
9. Moody T. W. Irish history and Irish mythology // *Hermathena*. 1978. No 124. Summer. P. 6–24.

Поступила в редакцию 19.12.2022; принята к публикации 10.01.2023

Original article

Alexander M. Bialiauski, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
bialiauski@bsu.by

SHOULD WE KILL THE DRAGON, OR HISTORICAL REVISIONISM AS A METHODOLOGICAL PROBLEM OF POST-COLONIAL STUDIES (THE CASE OF IRELAND)

Abstract. In the historiography of post-colonial studies, Ireland may be of particular interest, since this country was one of the first British colonies to achieve independence. Accordingly, certain trends in its development, including historiography and methodology of historical source studies, emerged almost half a century earlier than in other former British colonies, which makes it possible to make cautious predictions about the occurrence of certain problems of post-colonial historiography in general and some possible ways to solve them.

Keywords: post-colonial studies, revisionism, historiography of Irish history, historical source studies, Michel de Certeau

For citation: Bialiauski, A. M. Should we kill the dragon, or historical revisionism as a methodological problem of post-colonial studies (the case of Ireland). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(2):101–105. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.876

REFERENCES

1. Bialiauski, A. M. Media image of the hero of the Irish War of Independence: Tom Barry and Kilmichael. *War and identity: Proceedings of the research seminar of the Department of Social Sciences of the Military Academy of the Republic of Belarus and the Minsk Branch of the Center of Eurasian Studies of Russian State Social University (branch in Minsk)*. Minsk, 2016. P. 11–27. (In Russ.)
2. Bialiauski, A. M. “Sectarian” conflict in Ireland in 1916–1923 as a historical myth: the problem of interpretation in the historiography of the late XXth – early XXIst centuries. *Orientalia Christiana Cracoviensia*. 2017;9:67–102. (In Russ.)
3. Kazankova, P. Benjamin Labatut as a Latin American writer of the XXI century. The accuracy of a poet, the imagination of a scientist. *Ad Marginem*. Available at: https://admarginem.ru/2022/10/20/labatut_latin_america/ (accessed 15.12.2022). (In Russ.)
4. Certeau, M. *The invention of everyday life. 1. The art of making*. St. Petersburg, 2013. 330 p. (In Russ.)
5. Fitzpatrick, D. Ethnic cleansing, ethical smearing, and Irish historians. *History. The Journal of the Historical Association*. 2013;98(329):135–144.
6. Foster, R. *Modern Ireland, 1600–1972*. London; New York, 1989. 688 p.
7. Foster, R. *Vivid faces: The revolutionary generation in Ireland, 1890–1923*. London; New York, 2015. 480 p.
8. Hart, P. *The I. R. A. and its enemies: Violence and community in Cork, 1916–1923*. Oxford, 1998. 368 p.
9. Moody, T. W. Irish history and Irish mythology. *Hermathena*. 1978;124:6–24.

Received: 19 December, 2022; accepted: 10 January, 2023